

ПЕРСОНАЖ

Анатолий ПРАУДИН: **“Мне вдруг захотелось никого не слушаться”**

Смена. - С. Пб. - 1996. - 15 авг. - с. 5.

АНАТОЛИЙ Праудин - из того нового поколения режиссеров, что сформировалось в Петербурге за последние несколько лет. Театральная жизнь нашего города стала оживленной не без его участия. Совсем недавно Праудин стал главным режиссером Театра юных зрителей имени Брянцева.

- Очень многие театральные режиссеры говорят о порочности больших столичных городов для творческого человека; о том, что все истинные ценности - в провинции, надо туда ехать и там работать. И тем не менее едут сюда, возвращаются сюда, примеров тому много - вот и вы тоже. Чем объяснить эту тягу в большой город: тщеславием, стремлением попасть в тусовку?

- Действительно, три года назад я переехал из Екатеринбурга в Петербург. Но поскольку Петербург вот уже почти 80 лет не является столицей России, а Екатеринбург - огромный, двухмиллионный культурный центр Урала, то можно просто сказать, что я переехал из одного большого города в другой.

- Почему вы стали работать именно в Александринке?

- Меня приглашали и в другие петербургские театры. Кстати, и в ТЮЗ. Но я еще с институтских лет хотел ставить спектакли именно здесь: Александринка - очень красивый театр, он как наваждение. И там долгие годы служил мой учитель - Александр Александрович Музиль. Он много рассказывал нам об этом театре смешного и печального. И еще: Александринка - самый петербургский театр по сравнению с остальными.

- Но ведь несколько лет назад говорили, что Александринка в полном творческом кризисе, что театр умер, труппа развалилась...

- Нет, этот театр тогда уже не был в кризисе. Слухи о его смерти были сильно преувеличены. Как раз в 1993 году уже начался перелом. Да, были БДТ, Малый драматический, которые работали стабильно и традиционно держали уровень. Но в Александринке чувствовалась... может быть, странную вещь скажу - какая-то свежесть и юность.

Легкое дыхание.

- Кстати, и с вашим именем связывают некий творческий подъем театра.

- Нет. Подъем случился бы и без меня. Просто звезды сошлись над театром, так бывает. А над каким-то другим - разошлись.

- У меня такое ощущение, что в спектакле “Мой бедный Марат” вы замечательно сработались с молодыми артистами, просто сроднились, потому что те же артисты у вас и в “Мсье Жорже” главные роли исполняли. И вдруг вы уходите. Я понимаю, что вернуться и поставить с ними еще спектакль - не проблема, что можно их взять к себе в ТЮЗ на постановку. Но все-таки - почему вы ушли?

- Я не могу сказать, что ушел из Александринки. Просто я пришел в ТЮЗ. Мне вдруг захотелось все делать по-своему: строить, объединять. Не в одном конкретном спектакле, а в целом доме. И никого не слушаться.

- А в Александринке это не получалось?

- Только на уровне спектакля. Александринка исторически - казенная сцена. Там множество разнообразных квартир. Я, пожалуй, не представляю этот театр объединенным одним художественным направлением. И пусть там царствует многоголосье, это хорошо.

- Прошло уже десять лет с тех пор, как вы закончили ЛГИТМиК. А почему вы уехали тогда? Тоже захотелось все делать по-своему или кому-то что-то доказать?

- Я часто думаю: а как бы сложилась судьба, если бы я тогда остался? Меня хотели отправить в город Черкесск по распределению. А Дима Астрахан меня спас - прислал теле-

грамму с вызовом в Свердловск. И я туда уехал. За что, пользуясь случаем, публично выражаю Диме благодарность. И поздравляю его с рождением дочери.

- Но теперь вы уже можете сказать, что Петербург - ваш город?

- Мой. Здесь учились в Театральном техникуме мои бабушка и дед. Здесь закончили Театральный институт мои родители. Здесь родилась и живет моя жена. Первые сознательные шаги я делал на Моховой. Потом я не был в Питере 8 лет, а по возвращении мне работалось, может быть, не слишком легко, но покойно и вольно. Что, как известно, заменяет счастье.

- Как вам кажется, “нашептала” ли вам как режиссеру Петербург нечто особенное?

- Видите ли, каждый разбирается с этим городом индивидуально. Наверное, город сам себе выбирает слушателей и собеседников. Здесь, мне кажется, я стал работать строже, экономичнее, суше. Город диктует особую эстетику, и меняется почерк.

- Мне интересно, а зачем вам вообще понадобился Арбузов? Он нынче не в моде и считается таким милым трогательным прошлым советской драматургии.

- Мне и в Александринке этот вопрос задавали, когда я предложил пьесу. Но первым толчком было 50-летие Победы - я считал своим долгом на это откликнуться. Попросил руководство подождать с “Горем от ума” и дать мне возможность в тот юбилейный сезон как-то высказаться на тему поколения, которое победило. А потом я стал думать, почему победило, потом мы стали как-то исследовать всю тему поколения. Мне такая драматургия бесконечно близка. Арбузов, может быть, в большей степени, потому что он был, на мой взгляд, самым поэтичным драматургом из той команды.

- Помимо театра вас еще что-то волнует?

Раньше я часто просиживал в репетиционной дни и ночи, творил “из себя”. Но в конце концов твоя личность не бездонна...

репетиционного зала. Это иллюзия. В первые годы работы я часто просиживал в репетиционной дни и ночи. Я творил “из себя”. Но в конце концов ты, твоя личность не бездонны. Нужны источники энергии. Нужны впечатления: эстетические, жизненные, интеллектуальные. Любые.

- А призы, награды вас интересуют?

- Конечно. Я всегда рад, когда мои работы отмечаются, и огорчаюсь, если они остаются незамеченными.

- Вы следите за театральной жизнью Петербурга?

- Да. Сейчас практически во всех театрах кипит творческая жизнь. Теперь, на рубеже веков, в Петербурге опять собрались непохожие друг на друга, но очень интересные художники. Личности. Я рад, что это мое поколение, и гляжу на него не печально, а с чувством глубокого оптимизма.

Беседовала Алла БРУК

Фото Виктора ДЮЖАЕВА

- Да меня все волнует: политика, спорт, красивые женщины. Я думаю, лукавит тот, кто говорит, что все это его не касается.

- Вы думаете, нет людей, которые полностью отданы творчеству?

- Я таких не встречал. Мне кажется, что театральные люди не могут работать, не покидая